

Т. П. Павлова

Тверской государственный университет, 3 курс

Научный руководитель: к.ф.н. Л. В. Самуйлова

**СОЦИОЛЕКТ ПОЖИЛЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИМИТАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ ТОРСТЕНА РОДЕ
[TORSTEN RONDE. «BESSER ALS BUS FAHREN»,
«WER ERBT, MUSS AUCH GIEßEN»])**

Das Alter ist ein Aussichtsturm. (Hans Kasper)

*Alternde Menschen sind wie Museen: nicht auf die Fassade
kommt es an, sondern auf die Schätze im Innern.* (Jeanne Morfau)

Термин «социолект» вошёл в научный обиход в первой половине XX века в связи с признанием языка гетерогенным образованием и разработкой методик выявления форм его дифференциации. Им активно оперирует социолингвистика – особое научное направление, функционирующее на стыке социальных, биологических, психофизиологических, культурологических и собственно языковедческих наук.

В понятийную характеристику термина включаются следующие определения: социолект – «это речь „среднего индивида“, представляющего свою социальную группу, культуру», «инвариантная социально-маркированная подсистема языка» [Ерофеева URL]. Понятие социолект также включает в себя систему речевых средств, детерминированных рядом факторов, которые имеют «не только социальный, но и биологический и психологический характер: место рождения, специальность, уровень образования, возраст, пол, темперамент и т.д.» [Ерофеева URL].

В словаре социолингвистических терминов Э.Д. Сулейменовой и Н.Ж. Шаймерденовой даётся определение социолекта того или иного национального языка как «совокупности языковых особенностей, присущих какой-либо социальной (профессиональной, возрастной, сословной и проч.) группе, *Микросоциальной общности*». Отмечается также, что социолект «не может считаться самостоятельной системой коммуникации, ему свойственны лишь конкретные лексические, морфологические и синтаксические особенности» [Сулейменова, Шаймерденова 2002: 96].

Немецкие лингвисты включают социолект в «модель языковой действительности» (Sprachwirklichkeitsmodell), понимая его как одну из языковых разновидностей (Sprachvarietät) современного немецкого языка. Например, Г. Лёффлер выделяет шесть «крупных языковых областей» (sprachliche Großbereiche), так называемых «лектов», различающихся по таким

критериям, как медиум (Mediolekte), функция (Funktiolekte), территориальное распределение (Dialekte), группа говорящих (Soziolekte), ситуация говорения

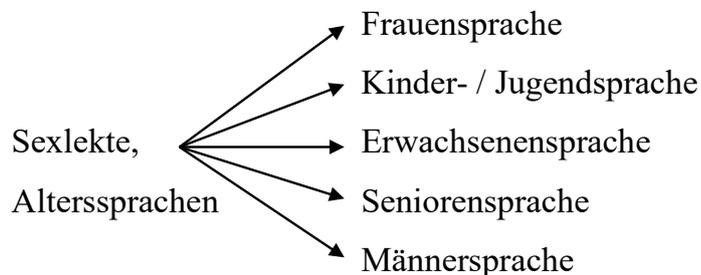

Рис. 1

(Situolekte), а также объединенные Г. Лёффлером в одну группу пол и возраст (Sexolekte, Alterssprachen). К «гендерлектам» относится речь женщин и мужчин (Frauen- und Männersprache), к «возрастным языкам» – речь детей и молодежи (Kinder- / Jugendsprache), речь взрослых людей (Erwachsenensprache) и речь пожилых людей (Seniorensprache) [Löffler 1994: 86–87], см. рис. 1.

М. Петерс уточняет графику Г. Лёффлера, создавая автономную группу возрастных ступеней языкового существования под заглавием «Elikialekt», в рамках которой он выделяет речь детей (Kindersprache), речь молодежи (Jugendsprache), речь взрослых (Erwachsenensprache) и пожилых людей (Seniorensprache), отмечая, что последняя является малоизученной [Peters 2002: 59–60], см. рис. 2.

В поле зрения статьи – речь пожилого человека – представительницы геронтологической, или «третьевозрастной», группы, в терминологии Г. Лёффлера и М. Петерса – Seniorensprache.

Т. Роде – современный немецкий писатель 1974 года рождения, создал на основе наблюдения, а также личного опыта общения с пожилыми людьми, включая собственных престарелых родственников, цикл романов о Ренате Бергманн, доверив ей ответственной роль рассказчицы. На обложке двух исследуемых романов стоит её имя.

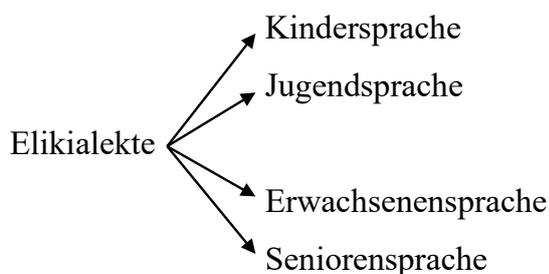

Рис. 2

Рената Бергманн – пожилая женщина 82-х лет, родом из Пруссии, четырежды овдовевшая жительница Берлина, имеет взрослую дочь, от которой живёт отдельно, её отличает достаточно широкий круг общения в пределах её возрастной группы. Высшего образования дама не получила, она окончила только народную школу: «*Ich habe kein Abitur und bin keine Studierende*» – «У меня нет диплома о высшем образовании, и я не училась в университете» (здесь и далее перевод наш – Т.П.). За её плечами только одно учебное заведение: «<...> *ich [war] nur auf der Volksschule*» – «<...> я училась только в народной школе». Однако она берёт на себя смелость критиковать молодых людей за их неграмотный немецкий язык. Его (и ещё математику) она помнит вплоть до четвертого класса народной школы: «*Deutsch und Mathe bis zur vierten Klasse kann ich noch, auch wenn ich nur auf der Volksschule war*».

В речи Ренаты Бергманн можно найти практически все признаки (фономорфологические, лексические, синтаксические), наличие которых социолингвисты приписывают представителям «третьего возраста», сравнивая их способ речевого общения с детской речью, в терминологическом обиходе функционирует определение «вторичный детский лепет». К лингвистическим признакам устной речи в пожилом возрасте относят медленный темп речи, повторы, паузы (хезитации); использование общеупотребительной лексики, слов, выходящих из употребления, «детского словаря», отмечены модификации некоторых слов; выражения, предложения упрощённой структуры; ограниченный круг тем бесед [Темаева 2020]. Н.Н. Лантюхова, описывая особенности письменной речи пожилых людей, отмечая снижение синтаксической сложности текста при возрастании лексической сложности, а также очевидное сокращение объёма текста, подчёркивает в целом нормативное пользование грамматикой. Фиксируемые ошибки затрагивают синтаксическую структуру и связаны с неправильным построением предложения [Лантюхова 2017].

Речевые особенности Ренаты Бергманн рассматриваются с акцентом на форму языковой реализации, определяемую как «стратегическая устность» (письменно зафиксированный устный рассказ, стилистически подчёркнуто разговорный – пример так называемой «письменной устности»). Маркерами авторской повествовательной стратегии на *устность* являются фонографические варианты языковых единиц, т. е. графические образы их оригинального звучания.

Рассказчица спонтанно следует известному дидактическому правилу первого (звукового) письма (Lautschrift) «Пиши, как говоришь» («Schreib, wie du sprichst!») [Самуйлова 2016], о чём свидетельствует её высказывание: «*Ich schreibe hier „wissen Se“, weil es so aus dem Leben ist*» – «Я пишу здесь „wissen Se“, потому что это так из жизни», имея в виду реализацию местоимения Sie –

Se в постпозиции к глагольной форме. В препозиции – Sie wissen – местоимение сохраняет полноту звучания, что подтверждается графически. Например: *Äh ... also, Sie wissen schon, die, die man gemacht hat.* – «Э ... ну, Вы уже знаете, те, что были сделаны».

Ослабление, а именно редуцирование безударных слов в предложении – одна из характерных черт берлинского диалекта [Schildt, Schmidt 1986: 227], некоторые признаки которого встречаются в речи Ренаты Бергманн. Но несмотря на то, что в тексте романов отражается «следование “буквы” за “звучком”», нормативность грамматики, орфографии и пунктуации во многом сохранена.

Особый интерес представляют иноязычные вкрапления в форме актуальных американско-английских заимствований, отражающих успехи научно-технического прогресса в сфере компьютерных и других коммуникационных технологий.

В художественном тексте представленный лингвостилистический объект рассматривается в группе «иноязычных вкраплений», под которыми Л.П. Крысин понимает «незамкнутые группы слов, употребление которых обусловлено степенью знакомства говорящего с иностранным языком» [Крысин 1968: 47]. В художественном произведении они находятся в окружении элементов родного языка.

Попытка рассказчицы адаптировать их осуществляется двумя способами. Первый – чисто описательный – языковое представление формально-визуального образа гаджета. Например, для описания ноутбука рассказчица использует слово *Klappcomputer*, что можно перевести как «раскладной компьютер», *Glasscheibchentelefon* – «Handy» – «телефон в форме стеклянного диска, смартфон» или *Silberscheibchen* – «серебряный кружочек / колечко» – «CD-диск» и др.

Второй способ апеллирует исключительно к слуховому восприятию рассказчицы и соответствует практике адаптации иностранных слов не владеющими иностранным языком. Она отвечает формуле: «Пишу, как слышу». Слух, не обусловленный знанием предмета, облачается в соответствующие графические формы. Например: *die Tudu-Liste* – «to do list» – «список дел» («Ich überflog die nächsten Posten auf der Tudu-Liste.»), *Nordisch Wokking* – «norwegian walking» – «норвежская ходьба» («Das war noch die Zeit vor Nordisch Wokking, wissen Se.»), *Tscheck* – «check» – «проверять» («Die Einschickdame war sehr nett. Tscheck.»), *I-Mehl* – «E-Mail» – «электронная почта» («Wenn sie mir einen I-Mehl schickt, dann muss ich immer rätseln, was sie von mir will <...>»), *Fäßbok* – «Facebook» – социальная сеть «Фейсбук» («<...> dass er in 50 Jahren noch das Passwort von Oma und Opa kennt und an Weihnachten beim Fäßbock gucken kann?»), *Händi* – «Handy» – «смартфон» («Ich werde ja das Händi

mitnehmen, wer was will, kann schreiben oder anrufen.»), *Loschn* – «лотьон» – «лосьон» («<...> deshalb betupfte sie sich bis bald zum Bauchnabel mit der Loschn.»), *Däncing Kwin* – «dancing queen» – «королева танцев» («Wir teilten uns beide eine lange rote Federboa und sangen lauthals mit «Däncing Kwin ... lalalalalala, lalalalalalala ...»), *der Onlein* – «online» – «онлайн, в сети Интернет» («Der Onlein ist nämlich unverschämt teuer auf dem Dampfer.»), *offlein* – «offline» – «оффлайн, не в сети» («<...> dass das Glassscheibchentelefon auch wirklich ausgeschaltet und offlein war.»), *Smufies* – «smoothie» – «смужи» («Und da Smufies Obst sind und Obst gesund, na ja <...>») и др.

Следует отметить, что другие иностранные слова рассказчица использует без каких-либо затруднений, соблюдая принятую (нормативную) орфографию. Например: *Marketing* – «маркетинг» («<...> sie hätte Marketing werden können, mit Kaffee kochen und Schnittchen schmieren <...> »); *Souvenirs* – «сувениры» («Wir bummelten stattdessen noch ein kleines Stück die Straße entlang und kauften Souvenirs.»); *Bouquet* – «букет» («<...> er stand ziemlich verdattert mit den Bouquet da <...>»); *Gourmet* – «гурман» («<...> meine Freundin Gertrud ist wirklich kein Gourmet <...>»); *Charme* – «шарм, очарование» («Sie hat ein bisschen einen spröden Charme <...>»).

Интересно также, что, цитируя высказывание ребёнка, Рената Бергманн использует нормативную орфографию для слова «смужи» (*smoothie*), которое при фиксации её собственной речи получает графическую форму *Smufies*: «Mama, das ist mit Abstand der leckerste vegane Smoothie, den ich je getrunken habe!», legte das Kind nach».

Новое иноязычие даётся рассказчице нелегко, что вызывает её раздражение: «*Ich kann mir diese dämlichen englischen Begriffe alle nicht mehr so merken*». – «Я больше не могу запоминать все эти дурацкие английские понятия». Для рассказчицы – это агнонимы. По определению С.Г. Тер-Минасовой, агнонимы – это «слова, непонятные или плохо понятные своему народу» [Тер-Минасова 2008: 18].

Язык является средством общения и культур, и людей, их представляющих. Это благодатный фон для заимствования, засилье иноязычных слов – вызов для людей, не владеющих иностранным языком, но желающих идти в ногу со временем. К таким относится Рената Бергманн и её раздражение вполне оправдано.

Таким образом, в тексте романов Торстена Роде, в речи рассказчицы (представительницы геронтологической группы), отражены некоторые социолектальные особенности, характерные для устной речи пожилых людей, представленные в письменной фиксации.

ЛИТЕРАТУРА

Ерофеева Т.И. Понятие «социолект» в истории лингвистики XX века // Изменяющийся языковой мир. Пермь, 2002. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/erofeeva-02.htm> (дата обращения: 7.03.2022).

Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.

Лантюхова Н. Н. Синтаксические особенности письменной речи лиц пожилого и старческого возраста // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. 2017. № 27. С. 24–26.

Самуйлова Л.В. Устность / письменность в историческом контексте (VIII–XVIII вв.) // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: межвуз. сборник научных трудов. Вып. 36. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. С. 330–335.

Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж. Словарь социолингвистических терминов. Казах. нац. ун-т им. Аль-Фараби. Алматы: Казак университеті, 2002. 170 с.

Темаева И.В. Геронтное общение: социолингвистический взгляд на проблему // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20. Вып. 4. С.407–411

Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур (учеб. пособие). М.: Слово/Slovo, 2008. 344 с.

Löffler H. Germanistische Soziolinguistik. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1994. 233 S.

Peters M. Soziolinguistik und Varietätenmodell des Deutschen // Germanistische Studien. Tbilisi: «Caucasian House», 2002. Nr. 4. S.56–62.

Schildt J., Schmidt H. Berlinisch. Geschichtliche Einführung in die Sprache einer Stadt. Berlin: Akademie-Verlag, 1986. 446 S.